

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14204

EDN: QWCPLA

«Там, за границу...»: образ будущего и поэтический идеал в творчестве С. А. Есенина 1910-х гг.

С. А. Серегина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: serjogina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу художественного содержания и эволюции поэтического идеала в творчестве С. А. Есенина 1910-х гг. Предметом исследования стали его лирические произведения, художественно-философская проза (статья «Отчее слово»), а также библейские поэмы. Раскрыто своеобразие литературно-философского топонима «Русь» в творчестве Есенина как этического идеала и символа особого национального исторического пути, который является частью «Божьего промысла». Выявлено полемическое единство топонима «Русь» с идиллическим образом неопределенно-прекрасного «там», который пришел к Есенину из литературы романтизма, наряду с мифологемой рокового пути поэта. Сделан вывод о влиянии эстетики символизма на понимание Есениным искусства как визионерского опыта, позволяющего постигать сверхчувственную реальность. Посредством сравнительного анализа статей А. А. Блока «Дитя Гоголя» и Есенина «Отчее слово» обоснована гипотеза о том, что образ Руси у Н. В. Гоголя был воспринят Есениным в символистской транскрипции. Поэма «Инония» рассматривается как трансформация поэтического идеала Руси в контексте религиозно-философских устремлений Есенина.

Ключевые слова: С. А. Есенин, Русь, идеал, образ, литература, стихотворение, поэма, будущее

Для цитирования: Серегина С. А. «Там, за границу...»: образ будущего и поэтический идеал в творчестве С. А. Есенина 1910-х гг. // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 205–228. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14204. EDN: QWCPLA

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14204

EDN: QWCPLA

“Out There, Beyond...”: the Image of the Future and the Poetic Ideal in the Works of S. A. Yesenin in the 1910s

Svetlana A. Seregina

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: serjogina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the artistic content and the evolution of the poetic ideal in the works of S. A. Yesenin of the 1910s: the subject of the study is both the poet's lyrical works and his narrative and philosophical prose (the article “Native Word”), as well as biblical poems. The peculiarity of the literary and philosophical toponym “Rus” in Yesenin's works as an ethical ideal and a symbol of a special national historical path, which is part of “God's Providence,” is revealed. The polemical unity of toponym “Rus” with the idyllic image of the indefinitely beautiful “there,” which Yesenin drew from the literature of romanticism, along with the mythologeme of the poet's fateful path, is demonstrated. A conclusion is made about the influence of Symbolist aesthetics on Yesenin's understanding of art as a visionary experience that allows him to comprehend supersensual reality. By means of comparative analysis of A. A. Blok's articles “Gogol's Child” and Yesenin's “Native Word,” the hypothesis that N. V. Gogol's image of Russia was perceived by Yesenin in symbolist transcription is substantiated. The poem “Inonia” is considered as a transformation of Russia's poetic ideal in the context of Yesenin's religious and philosophical aspirations.

Keywords: S. A. Yesenin, Rus', ideal, image, literature, poem, future

For citation: Seregina S. A. “Out There, Beyond...”: the Image of the Future and the Poetic Ideal in the Works of S. A. Yesenin in the 1910s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 205–228. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14204. EDN: QWCPLA (In Russ.)

В творчестве С. А. Есенина 1910-х гг. образ будущего представлен наиболее полно в его художественно-философской прозе («Отчее слово», 1917; «Ключи Марии», 1918) и библейских поэмах¹. Этот цикл — «исключительно ценный документ <...> мессианского сознания и его метаморфоз во время революции» [Семенова, 2004: 364] — можно было бы расценить как художественное явление, *чуждое* тонкому лиризму поэтического мира Есенина. При желании в этих поэмах (и в целом в пореволюционном творчестве Есенина) можно увидеть «умение действовать и писать "по ситуации"» [Лекманов, Свердлов: 152]. Однако за пределами такого рода исследовательской оптики остается понимание глубинного вектора духовно-творческого движения Есенина, который *неизбежно* вел его к поэтической мифологии революции.

Приблизиться к истокам и содержанию образа будущего у Есенина можно, если посмотреть на него сквозь призму *идеала*, вызревавшего в недрах той линии русской литературы, которая в совокупности своих устремлений являла единый «мыслительно-душевный порыв в "будущий век"» [Семенова, 2010: 33]. Характерное для эпохи восприятие литературы как «идеалотворчества» [Гачева: 8] обрело для Есенина особое звучание, потому что оно резонировало с его личной — человеческой и творческой — «неустанной тягой к постижению вечного движения жизни, восхождению к Идеалу» [Хазан: 12]. Этот вектор духовного движения поэта отчасти нашел свое художественное воплощение в литературно-философском топониме *Русь*, оформившемся в дореволюционной лирике Есенина и соединившем два мира — «Божественный и человеческий» [Лепяхин, 2002: 641]. Разветвленный генезис этого топонима восходит к средневековым представлениям о Руси как наследнице Византийской империи, носительнице «чистого христианства», нравственной правды, особого жертвенного

¹ Традиционно к этой группе произведений (после работ А. М. Марченко [Марченко: 103] и В. Г. Базанова [Базанов: 104–109]) относят поэмы «Товарищ», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение» (все 1917), «Инония», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» (все 1918), «Пантократор» (1919). О библейских поэмах см., напр.: [Воронова, 2002: 253–368], [Семенова, 2004: 364–375], [Скороходов, 1996, 2020], [Субботин, 1997], [Суслопарова] и др.

пути и великодержавной мощи. В литературе XIX в. этот комплекс смыслов сосредоточивается в *русской идее*, которая в каждом конкретном случае обретает свои смысловые оттенки («Русская слава» (1831) В. А. Жуковского, «Святая Русь» (1848) П. А. Вяземского, «Рассвет» (1849) Ф. И. Тютчева, образ Руси как «необгонимой тройки» у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах», чаяния славянофилов о «воскресении» древней Руси и др.). Русь у Есенина — это не только «духовная колыбель поэта и исток его творческой биографии» [Воронова, 1997: 233], но и символ особого национального исторического пути. Здесь Есенин оказывается в орбите влияния (прямого и опосредованного) Ф. М. Достоевского — не только с его «русской идеей», «русским социализмом», но и с его верой в историческое превосходство Руси, а также в то, что «Русь жива и умереть не может»:

«Знакома Русь со всякою бедой!
Случалось ей, что не бывало с вами.

<...>

Заморский рост она переросла,
Тянутся ль вам в одно с богатырями!
Попробуйте на нас теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!»

[Достоевский; т. 2: 403].

Эти строки из стихотворения Достоевского «На европейские события в 1854 году» (1854) читаются как один из возможных источников высокомерного и вызывающего обращения «пророка Есенина Сергея» к Америке в «Инонии» (1918):

«И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!» [Есенин; т. 2: 65].

Однако отзвук слов Достоевского можно услышать у Есенина еще раньше. В стихотворении «Богатырский посвист» (<1914>) *Русь* сокрыта не только в легендарном прошлом и героическом настоящем, она сама есть вечный вневременной «победный праздник», который освящен «монастырским звоном», а значит,

является частью Божьего промысла и своего рода «Божественной идеей»:

«Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырского...
Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастырского» [Есенин; т. 4: 73].

Постепенно Есенин выводит славянофильские интуиции на новый уровень высокого, нежного и пронзительного лиризма. Хрестоматийное поэтическое признание Есенина, обращенное к Руси, — «Тебе одной плету венки...» (<1915>) — можно прочесть как развернутый метафорический образ творческого служения и его «плода»: венка как особого подношения с целебной, благодатной и оберегающей силой. Этот художественный смысл усилен и мотивом осыпания цветами «стежки» (т. е. дороги, предназначенной для Руси), восходящим к народным представлениям о том, что подобный ритуал должен способствовать изобилию и ограждать от опасности²: «Цветами сыплю стежку серую» [Есенин; т. 4: 115]. Русь — это «покойный уголок» и «простор полей», «далекая и близкая», с журавлями в небе и «тропинкой склизкой», с росой «холодной и целительной», с туманом и «крылато дующими» ветрами; это не столько физическое пространство, сколько символический образ национального мира, «осененный светом Божественного покровительства» [Воронова, 2002: 103], постигаемый внутренним взором лирического героя как преображенное настоящее и проекция в будущее и вечность. Поэт становится участником «космической литургии»³ — «вечери», которую мирозданье служит Руси. «Но вся ты — смирна и ливан // Волхвов, потайственно волхвующих» [Есенин; т. 4: 115], — в финальных строках возникает образ глубокого религиозно-философского синтеза. Смирна и ливан (т. е. ладан) — это атрибуты не только христианских богослужений, но и языческих ритуалов: так сама Русь становится частью вечного всемирного и вневременного священнодействия и волхования.

² См. подробнее: [Усачева].

³ Понятие В. В. Лепяхина; см. подробнее: [Лепяхин, 1995].

В стихотворении «Запели тесаные дроги...» (<1916>) центральный образ Руси раскрыт во всей полноте своего сложного содержания: это и реальная осязаемая родина, и символический образ национального мира. В *Руси* угадываются черты женского лика, в т. ч. Богородицы⁴: эта сакрализация Руси поднимает ее образ на высоту этического идеала — предмета верности, любви и служения: «Но не любить тебя, не верить — // Я научиться не могу» [Есенин; т. 1: 83]. Философская высота стихотворения достигается посредством звучащей уже с самого начала трагической ноты, которая затем находит свое воплощение в мотивах боли, тоски и скорби. Вариант строки 11 («Люблю до радости и боли» [Есенин; т. 1: 83]) в 1-й публикации имел еще более драматическое содержание: «Люблю до смерти и до боли» [Есенин; т. 1: 321]. Эта центральная коллизия произведения отчасти разрешается в финале стихотворения, где образы цепей и «долгого сна» (символизирующие привязанность к родине как болезненную иллюзию) вытесняются духоподъемной картиной звучащей и молитвословящей природы.

Так выявляются две важных черты творческой эволюции Есенина 1910-х гг.: в его художественно-философском сознании *Русь* поднимается на высоту эстетического и этического идеала, становясь центром религиозного чувства поэта. Однако даже этот идеал не вполне удовлетворяет творческий поиск Есенина.

Мотив неразрывной, но болезненной связи с родиной включает произведения Есенина в глубинную традицию русской литературы. Она восходит к М. Ю. Лермонтову и звучит у важного для Есенина А. А. Блока: это тема «странной любви» к родине. В определенной степени она связана с демократической линией в творчестве Есенина, подразумевавшей конфликт с исторической реальностью *Руси* и *России*:

«Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих»⁵.

⁴ О том, что сочетание синего и красного восходит к иконографии Богородицы, см.: [Воронова, 2002: 140].

⁵ «Синее небо, цветная дуга...» (<1916>) [Есенин; т. 4: 154].

Однако на более глубинном уровне образ «цепей», тяготящих поэта, но которые он *не хочет отдать* («И не отдам я эти цепи»⁶), — это совокупный образ вещественного мира (в том числе мира Руси), который «душу облекает в плоть»⁷. Диалектику художественного сознания Есенина определяет парадоксальное сочетание ощущения «узловой завязи природы»⁸ со стремлением эту завязь отринуть, устремившись к «полдню незримых стран»⁹. Поэтический сон «о нездешнем перелеске»¹⁰ не отступает ни перед «сиротливыми» избами деревень¹¹, ни перед «малиновой ширью»¹² полей и «хвойной позолотой»¹³ «голубой Руси»: «прекрасная, но нездешняя», «неразгаданная» земля¹⁴ становится той точкой на вертикали духовно-творческого движения поэта, к которой он всегда устремлен и которая никогда не может быть достигнута.

В художественном сознании поэта Русь сливается с неопределенно-прекрасным «там» «чудного далека», — так Есенин движется по пути, намеченном любимым им Н. В. Гоголем: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу» [Гоголь: 208]. Значение этого пути и верность его направления были усилены для Есенина А. А. Блоком, который писал в статье «Дитя Гоголя» (1909) о том, как «влечет к себе Гоголя новая родина, синяя даль, в бреду рождения снящаяся Россия» [Блок; т. 8: 107].

В статье Блок, цитируя стихотворение А. С. Хомякова «России» (1854), противопоставляет «хомяковской» России, находящейся «здесь» «под игом рабства», «будущую Россию» «там»:

«Там сверкнуло чудесное видение. Как перед весной разрываются иногда влажные тучи, открывая особенно крупные, точно

⁶ «Запели тесаные дроги...» (<1916>) [Есенин; т. 1: 84].

⁷ «Мы теперь уходим понемногу...» (1924) [Есенин; т. 1: 201].

⁸ «Ключи Марии» (1918) [Есенин; т. 5: 202].

⁹ «Заря над полем — как красный тын...» (<1916>) [Есенин; т. 4: 163].

¹⁰ «Колокольчик среброзвонный...» (<1917>) [Есенин; т. 1: 82].

¹¹ Ср.: Приютились к вербам сиротливо // Избы деревень («В том краю, где желтая крапива...» (1915) [Есенин; т. 1: 68].

¹² «Опять раскинулся узорно...» (1916) [Есенин; т. 1: 24].

¹³ «Топи да болота...» (1914) [Есенин; т. 1: 65].

¹⁴ «Не напрасно дули ветры...» (<1917>) [Есенин; т. 1: 85].

новорожденные и омытые звезды, так разорвалась перед Гоголем непроницаемая завеса дней его мученической жизни; а с нею вместе — завеса вековых российских буден; открылась омытая весенней влагой, синяя бездна, "незнакомая земле даль", будущая Россия» [Блок; т. 8: 107–108].

В конце 1917 г. [Летопись: 76] Есенин завершает работу над статьей «Отчее слово (По поводу романа Андрея Белого «Котик Летаев»»). Этот текст, ставший этапом творческого диалога Есенина и Белого, несет отпечаток увлечения Есениным антропософским (и шире — теософским) учением. Однако важно другое: «Отчее слово» обнажает ту общность между Есениным и Белым, которая выходила за пределы их эзотерического поиска — это понимание творчества как интуитивного сновидческого постижения и воплощения в искусстве сверхчувственной реальности:

«В "Котике Летаеве" — гениальнейшем произведении нашего времени — он <Андрей Белый> зачерпнул словом то самое, о чем мы мыслили только тенями мыслей <...>. Суть не в фокусе преобразования предметов, не в жесте слов, а в том самом уловлении, в котором — если видишь ночью во сне кисель, то утром встаешь с мокрыми сладкими губами от его сока...»¹⁵.

Непосредственным предметом этого постижения и становится духовная отчизна — неопределенно-прекрасное «там». Так «Отчее слово» выявляет единство Есенина не только с Белым, но и с Блоком:

«Там, за границу, где стоит сторож, крепко поддерживающий завесу, оно есть и манит нас, как далекая звезда. Меланхолическая грусть по отчизне, неясная память о прошлом говорят нам о том, что мы здесь только в пути, что где-то есть наш кровный кров, где

У золотой околицы

Доит Богородица

Белых коз...» [Есенин; т. 5: 181] (курсив мой. — С. С.).

¹⁵ «Отчее слово (По поводу романа Андрея Белого «Котик Летаев»» [Есенин; т. 5: 180, 182].

Выделенные курсивом слова в приведенном отрывке из «Отчего слова» совпадают с образами из статьи Блока, главное же, сходна тональность двух текстов, а также их содержательная обращенность туда, где за «завесой» — «будущая Россия» (Блок) и «кровный кров» (Есенин).

Есенинский идиллический топос окрашен чертами народного православия, утонченным лирическим чувством поэта: образ Богородицы, которая доит коз, скорее всего, принадлежит самому Есенину (см. ниже о схожем образе Богородицы в поэме «Преображение», 1917). Эта фрагментарная поэтика есенинского пейзажа — как будто вскользь данная поэтическая мизансцена с Богородицей и белыми козами у околицы — окрашивает национальным колоритом звездную отчизну. Мотив грусти по небесной родине вписывает есенинский текст в христианскую традицию: «Не забывай, христианин, что ты по крещению, миропомазанию и причислению к церкви — гражданин неба и отечества небесного»¹⁶. Этот широкий историко-культурный контекст входит в содержательное единство с литературными источниками, которые также явственно ощущаются в стихотворении «Там, где вечно дремлет тайна...» (1917):

«Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля» [Есенин; т. 1: 104].

Романтическая литературная традиция была родовой для творческого самоопределения Есенина. Здесь можно упомянуть не раз уже отмеченное лермонтовское влияние¹⁷ и более широкий — европейский — контекст. Речь идет о «Пилигриме» Ф. Шиллера. В личной библиотеке Есенина была книга В. Е. Романовского «Поэт-философ (Шиллер)»¹⁸, где, в частности, сказано следующее: «Шиллер <...> сравнивает себя со странником, который, с детской простотой в сердце и с верой в достижение

¹⁶ Иоанн Кронштадтский, прот. Живой колос с духовной нивы: выписки из дневника прот. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. СПб.: Р. П. Лукшевиц, 1911. С. 31.

¹⁷ См. о нем также: [Голованова], [Сухов].

¹⁸ См. об этом: [Субботин, 2006: 92], примеч. 52.

цели, смело отправляется в путь. Внутренний голос — его вера — говорит ему: Ты увидишь храм чудесный; / Ты в святилище войдешь / Там в нетленности небесной / Все земное обретешь»¹⁹.

Мотив пути к «нетленности небесной» объединяется у Есенина с мотивом странничества, пришедшим к нему из фольклора — «народных утопических представлений о далеком, труднодостижимом счастье» [Михайлов: 395]. У Шиллера этот мотив недостижимости идеала звучит определенно, однако он лишен того драматизма, который появится у Есенина: «И во веки надо мною / Не сольется, как поднесь, / Небо светлое с землею; / "Там" не будет вечно "здесь"»²⁰.

Из романтической традиции Есенин воспринимает не только мотив грусти по небесной родине, но и мифологему «роковой путь романтического скитальца» [Манн: 286]. Эта мифологема присутствует даже в мироприемлющих по своему настроению произведениях, таких как «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914) («Я пришел на эту землю // Чтоб скорей ее покинуть...» [Есенин; т. 1: 39]) и подспудно — в драматическом сюжете отношений поэта с родиной, о котором было сказано выше.

В стихотворении «Там, где вечно дремлет тайна...» обретение «нетленности небесной» — *звездной выси* — это не только завершение земного пути, но обретение духовного зрения (и прозрения), которое невозможно без исполнения трагического предназначения:

«Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.
Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза» [Есенин; т. 1: 104–105].

¹⁹ Романовский В. Е. Поэт-философ (Шиллер). М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 46.

²⁰ Там же. С. 47.

Последние две строки — это реминисценция финала стихотворения Н. А. Клюева «Есть то, чего не видел глаз...» (1910):

«И всем, кого томит тоска,
Любовь и бранные обеты,
Зажгу с высот Материка
Путеводительные светы»²¹.

Так раскрывается один из важных источников есенинского понимания поэзии как визионерского опыта и духовного водительства, указывающего направление к прекрасному «там». Райская топка лирики Клюева 1910-х — «райские кринь», «украшенный чертог», «берега иной земли»²² — это ближайший контекст небесной топонимики Есенина с ее «иной землей», «нездешним перелеском» и прекрасным «там».

Вслед за Клюевым Есенин воспринимает символистскую формулу *a realibus ad realiōra* («...от видимой реальности и через нее — к более реальной реальности тех же вещей, внутренней и сокровеннейшей»²³), именно она определяет вектор его духовного полета к «выси звездной». Так Есенин выходит на объединяющий его с Блоком сюжет о том, что лирический герой должен «отлететь в иную пустоту» или к иной земле, чтобы обрести прозрение:

«Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту» [Блок; т. 1: 58].

Эти строки явственно перекликаются с финалом есенинского стихотворения, раскрывая его основной мотив *жертвенного восхождения поэта к высшей реальности*. Однако художественно-философская глубина этого мотива не исчерпывает содержания

²¹ Клюев Н. А. Сердце Единорога: стихотворения и поэмы / предисл. Н. Н. Скатова; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. С. 125.

²² Там же. С. 97.

²³ Иванов В. И. Две стихии в современном символизме // По звездам: ст. и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 305.

стихотворения. Еще один важный источник выявляется при сопоставлении «Там, где вечно дремлет тайна...» с ранним произведением поэта «Кузнец» (<1914>):

«Там вдали, за черной тучей,
 За порогом хмурых дней,
 Реет солнца блеск могучий
 Над равнинами полей.
 Тонут пастбища и нивы
 В голубом сиянье дня,
 И над пашнею счастливо
 Созревают зеленя.
 Взвейся к солнцу с новой силой,
 Загорись в его лучах.
 Прочь от робости постылой.
 Сбрось скорей постыдный страх» [Есенин; т. 4: 65].

Э. Б. Мекш называет стихотворение «Пловец» («Нелюдимо наше море...») Н. М. Языкова в качестве одного из непосредственных источников «Кузнеца» [Мекш: 68]. Пловец у Языкова в своем смелом дерзании устремлен к «блаженной стране», расположенной «там», куда Есенин направляет своего кузнеца:

«Там, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна:
 Не темнеют неба своды,
 Не проходит тишина»²⁴.

Источниковедческая находка Мекша, а также его замечание, что «Кузнец» — это стихотворение, в котором у Есенина «впервые» появляется «образ идеальной страны» [Мекш: 69], принципиально важны. Метрическое единство всех трех произведений («Пловец», «Кузнец» и «Там, где вечно дремлет тайна...»), вкупе со сквозным для них топонимом «там», указывает на генетическое единство этих стихотворений и объединяющий их романтический мотив движения к «блаженной стране».

²⁴ Языков Н. М. Стихотворения. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 80.

В «Кузнеце» этот мотив имеет определенный идеологический окрас. Произведение впервые было опубликовано в большевистской газете «Путь правды» (1914, № 87, 15 мая), и его содержание согласуется с характерным направлением газеты, а также с демократической линией русской литературы. Поэт призывает кузнеца с «взором отважным и суровым»:

«Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!» [Есенин; т. 4: 64].

В требовании «разить ударом» слышится не только трудовой клич, зовущий к наковальне, но и та поэтическая ярость, которая окрасит в 1918 г. поэму «Небесный барабанщик» с ее «белым стадом горилл», которому противостоят солдаты: «Сверкающий бич над смерчком» [Есенин; т. 2: 70]. Так выявляется, что есенинское устремление к прекрасному «там» начинается с поиска общественного идеала.

Библейские поэмы, появление которых также непосредственно обусловлено социально-политическим контекстом 1917–1919 гг., объединяют и усиливают все линии, намеченные выше: в их противоречивом звучании рождается особая есенинская революционная музыка, которая каждой своей поэтической нотой отвечала зову эпохи с ее призывом к жизнетворчеству и созидательному строительству будущего. Идеиную основу этого условного цикла, как известно, составляют представления о «крестном пути возрожденного народа к новой исторической Голгофе» и «всемирности русской революции»²⁵. Именно в библейских поэмах обнажается то, что подспудно звучало в есенинской лирике. Тонкие поэтические аллюзии на богородичный культ в образе Руси уступают место открытой манифестации, что Русь — это «страна народа-богоносца, мессианской колыбели, <...> где рождается новая религиозная идея» [Семенова, 2004: 364]:

²⁵ Иванов-Разумник Р. В. Две России // Скифы. 1918. Сб. 2. С. 218 и 224. О «скифстве» Есенина см., напр.: [Леонтьев], [Солнцева].

«О Русь, Приснодева,
 Поправшая смерть!
 Из звездного чрева
 Сошла ты на твердь» [Есенин; т. 2: 47].

Первая поэма библейского цикла «Певущий зов»²⁶ (1917) открывается возгласом: «Радуйтесь!», соотносимым со словами Христа после Его воскресения (Мф. 28:9), послания апостола Павла (Флп. 4:4) и 96-го псалма (Пс. 96:12), — так Есенин наделяет события Февральской революции тем провиденциальным смыслом, который и должна была нести в себе русская история по замыслу славянофилов и Ф. М. Достоевского:

«Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» [Достоевский; т. 27: 19].

В то же время поэтический зачин «Певущего зова» — это выражение радости от того, что давние демократические чаяния русской культуры наконец сбылись:

«То, о чем еще недавно мы могли лишь в мечтах молчаливых, затаенных мечтах думать — стало к осуществлению как властная, всеобщая задача дня. К самым заветным целям мы сразу, неукротимым движением продвинулись на полет стрелы, на прямой удар»²⁷.

Эти слова С. Д. Мстиславского и Р. В. Иванова-Разумника из предисловия к первому сборнику «Скифы» в сжатом виде содержат центральный образно-мотивный комплекс библейских поэм. «Затаенная мечта» — это «северное чудо»: *Русь*, ставшая вселенским «новым Назаретом». *Русь* — уже не просто «малиновое поле», но «русское поле», на котором вызревает, рождается в крови и боли «Звезда Востока»:

«Она загорелась,
 Звезда Востока!

²⁶ См. о ней также: [Скорыходов, 2020].

²⁷ Скифы (Вместо предисловия) // Скифы. 1917. Сб. 1. С. IX.

Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...»²⁸.

«Неукротимое движение» Есенина к «заветной» цели — воплощению идеала в действительность — явственно ощущается в поэтической лексике библейских поэм. «Пой, зови и требуй // Скрытые брега»²⁹, — в этом обращении к «обновленному» мужику в поэме «Отчарь» слышна не романтическая мечтательность, но властное дерзание обрести то, что «там, за гранию...» как реальное будущее. Так Есенин по-своему решает задачу, которую ставила теургическая эстетика — «воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле» [Соловьев: 404]. «Отчарь» был написан Есениным тогда же, когда и «Там, где вечно дремлет тайна...», — летом 1917 г. Если в стихотворении Есенин развивает символистское (и шире — романтическое) представление о подлинном искусстве как визионерском опыте, то в поэме он выходит к задачам «религиозного творчества», призванного решить важнейший вопрос:

«Русская поэзия <...> углубляется в мировую жизнь. Вопрос, ею поднятый, решается только преобразованием Земли и Неба в град Новый Иерусалим»³⁰.

Есенин в библейских поэмах активно приближается к горизонтам будущего, намеченного символистами и в целом русскими религиозными мыслителями, «видевшими бытие в перспективе его преображения в благобытие, человека — в горизонте его богочеловечности и не считавшими идеал несбыточной и далекой мечтой» [Гачева: 9].

Художественное воплощение этой литературно-философской линии — знаменитая «Инония»³¹, ставшая своего рода перерождением поэтического идеала Руси и творческим результатом устремлений поэта — *туда, за гранию, где вечно дремлет тайна.*

²⁸ «Певущий зов» [Есенин; т. 2: 27].

²⁹ «Отчарь» [Есенин; т. 2: 35].

³⁰ Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 417.

³¹ Библиографию по истории изучения поэмы, а также перечень ее основных источников см.: [Серегина, Субботин].

В. С. Чернявский вспоминал:

«Про свою "Инонию", еще никому не прочитанную и, кажется, только задуманную, он <Е.> заговорил со мной однажды на улице, как о некоем реально существующем граде, и сам рассмеялся моему недоумению: "Это у меня будет такая поэма... Инония — иная страна"» [С. А. Есенин в воспоминаниях: 220].

Сам Есенин писал о зарождении творческого замысла «Инонии» так:

«В начале 1918 года я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму "Инония"...» [Есенин; т. 7, кн. 1: 355].

Масштаб и пафос замысла, частью которого Есенин мыслил «Инонию», становится понятен по анонсу в газете «Знамя труда» (1918, № 174, 7 апреля), где произведение именовалось отрывком из поэмы «Сотворение мира» (см.: [Субботин, 1997: 344]; замысел не был реализован).

В статье «Быт и искусство» (<1920>) Есенин упомянул страну «Инонию» как пример «ангелического образа»:

«На образе эмоционального ангелизма держатся имена незримого и имматериального, когда они, только еще предчувствуемые, облакаются уже в одежду имени, например, чувство незримой страны "Инония"...» [Есенин; т. 5: 218–219].

Так исследовательское впечатление подтверждается авторской интерпретацией. «Пророк Есенин Сергей» постигает свою «Инонию» в визионерском духовном опыте, который дан как желанный образ будущего:

«По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,

На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.
Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.
И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

Слава в вышних Богу
И на земле мир!

<...>

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!» [Есенин; т. 2: 67–68].

В этом фрагменте в суггестивном единстве сочетаются важнейшие линии русской литературно-философской мысли, пропущенные сквозь призму творческой мастерской Есенина. Как сказал Андрей Белый (по другому поводу), «тютчевский славянофильский аристократизм должен сочетаться с некрасовской гражданственностью в одном пункте земляного титанизма»³². Есенинская *Инония / новый Назарет / Русь Приснодева* — это

³² Белый А. Апокалипсис в русской поэзии. С. 413.

своего рода апогей всей славянофильской линии русской культуры с ее верой в то, что «духовные и социальные начала русской народности <...> призваны быть могучими факторами всемирно-человеческого развития и просвещения»³³. «Некрасовская гражданственность» и в целом демократическая традиция объясняют появление «Инонии» как произведения *революционной* эпохи и его проекцию на формировавшийся в эту эпоху образ будущего. Именно этот контекст объясняет содержание финальных строк поэмы: «Наша вера — в силе. // Наша правда — в нас». «Земляной титанизм» — «прометеистский активизм эпохи»³⁴ — обуславливает деятельный пафос «пророка Есенина Сергея», готового «рукой упругою <...> повернуть весь мир» [Есенин; т. 2: 62].

Инония — это преображенная земная природа и преображенный космос, пространство которого развернуто не только в поэме «Инония», но и в других поэмах библейского цикла. «Человек не может просто уйти от космоса, он может лишь изменить и преобразить его»³⁵ — эти слова из книги Бердяева «Смысл творчества» (входившей в состав личной библиотеки Есенина) помогают понять истоки есенинского преображенного космоса, где «среброструйный Водолей» черпает Медведицковском лазурь [Есенин; т. 2: 74], «тощий колос хлеба» становится «звездным знаком» [Есенин; т. 2: 42], «тихо дремлют кедры, обвесив сучья вниз» [Есенин; т. 2: 44], «как белки, желтые весны прыгают по сучьям дней» [Есенин; т. 2: 66].

Основной пафос «Инонии» заключается в стремлении выйти за пределы парадигмы христианской эсхатологии к вере «без креста и мук», т. е., говоря словами самого Есенина, известными в изложении Блока, отказаться от «страдания, смирения, сораспятия» [С. А. Есенин в воспоминаниях: 175], в т. ч. от крестных страданий «отчего края» — Руси-Приснодевы, Руси-Христа,

³³ Аксаков И. С. Речь о Ю. Ф. Самарине (Сказана в заседании Славянского комитета 18 апреля 1876 г.) // Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 69 [Электронный ресурс]. URL: https://russianway.rhga.ru/upload/video/05_Aksakov.pdf (01.05.2024).

³⁴ См. об этом: [Семенова, 2001: 122].

³⁵ Бердяев Н. А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1916. С. 67.

идущей на Голгофу и распинаемой на кресте в поэмах «Пришествие» и «Сельский часослов». Однако, несмотря на провокативность поэтики «Инонии», заключительная «песня с гор» с непосредственным евангельским источником (Лк. 2:14) помещает новый Назарет «Инонии» и саму поэму в парадигму христианских ценностей.

Несколько нарочитая конфронтация Есенина с христианской традицией (в которую, по большому счету, погружена его поэтическая вселенная) напоминает конфронтацию с историческим христианством Иванова-Разумника, который писал: «В христианстве страданиями одного Человека спасался мир: в Социализме грядущем — страданиями мира спасен будет каждый человек»³⁶. Есенин (как и Иванов-Разумник) замещает пафос страдания благом спасения. Его религиозно-философский вектор в библейских поэмах направлен на снятие онтологических противоречий и греховной природы человека. Неопределенно-прекрасное «там» обретает содержательную конкретику: «Там <...> рыжий Иуда // Целует Христа» [Есенин; т. 2: 39]. «Там», по завету Н. Ф. Федорова, одержана победа над смертью и восстановлена разрушенная связь поколений: «С-за гор вереницей // Плывут корабли. // В них души усопших // И память веков» [Есенин; т. 2: 42–43]. «Там» в библейских поэмах (впрочем, как и в «Отчем слове») согрето есенинским отношением к вечности как к «родительскому очагу» (ср.: «Полюбил я мир и вечность, // Как родительский очаг» в стихотворении «Не напрасно дули ветры...», <1917> [Есенин; т. 1: 85]). В поэме «Преображение» образ Богородицы, которая в «синем плате» «у облачной околицы скликает в рай телят» [Есенин; т. 2: 53], раскрывает особенность есенинского религиозного чувства: его способность видеть священное в мирском и *vice versa*.

В «Инонии» и в целом в библейских поэмах Есенина даны очертания образа будущего, контуры которого складываются из линий, оформившихся на самых ранних этапах творческого становления поэта. Поднявшись на «золотые шапки гор» своего идеала, Есенин в дальнейшем нисхождении выходит в больших поэмах и лирике 1920-х гг. к диалогу с прошлым

³⁶ Иванов-Разумник Р. В. Россия и Инония // Россия и Инония: [сб.]. Берлин, 1920. С. 24.

и полемике с настоящим, пытаюсь нащупать и утвердить не *идеальное*, но *должное* и *необходимое* в исторической судьбе «шестой части земли с названием кратким "Русь"».

Список литературы

1. Базанов В. Г. Разрушение легенды // Русская литература. 1980. № 3. С. 92–115.
2. Блок А. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. / отв. ред. Ю. К. Герасимов. М.: Наука, 1997. Т. 1. 638 с.
3. Блок А. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. / отв. ред. А. М. Долотова. М.: Наука, 2010. Т. 8. 586 с.
4. Воронова О. Е. Духовный путь Есенина (религиозно-философские и эстетические искания). Рязань: М-ПРЕСС, 1997. 288 с.
5. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочье, 2002. 498 с.
6. Гачева А. Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
7. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. / отв. ред. Ю. В. Манн. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1. 804 с.
8. Голованова Т. П. Есенин Сергей Александрович // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 157–158.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995–2002.
11. Лекманов О. А., Свердлов М. И. Сергей Есенин: биография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2011. 604 с.
12. Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 326 с.
13. Лепяхин В. В. Космическая и изынная литургия в лирике Есенина // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1995. Т. XXI. С. 301–337.
14. Лепяхин В. В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // Лепяхин В. Икона в русской художественной литературе: икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. С. 618–646.
15. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / отв. ред. С. И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2: 1917–1920. 760 с.
16. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
17. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1972. 310 с.
18. Мекш Э. Б. Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига: Латвийский гос. ун-т им. П. Стучки, 1989. 119 с.
19. Михайлов А. И. Сергей Есенин // История русской советской поэзии: 1917–1941. Л.: Наука, 1983. С. 392–407.

20. С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 511 с.
21. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.
22. Семенова С. Г. Полюса русской души и русской идеи в поэзии Сергея Есенина // Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: ПоРог, 2004. Т. 1. С. 359–389.
23. Семенова С. Г. Основные черты русской религиозно-философской мысли. Самобытность и универсальность // Исследования по русской философии и культуре / науч. ред. С. В. Корнилов. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2010. С. 30–51.
24. Серегина С. А., Субботин С. И. Инония // Есенинская энциклопедия, 1895–1925 / науч. и отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. Константиново: ГМЗЕ, 2020. Вып. 1: Памятные места и литературная география. С. 89–92.
25. Скороходов М. В. Тематика смерти-воскресения в маленьких поэмах С. А. Есенина 1917 г.: к вопросу о поэтике заглавия // Философия бессмертия и воскрешения. М.: Наследие, 1996. Вып. 2. С. 139–152.
26. Скороходов М. В. «Певущий зов»: пробная статья для Есенинской энциклопедии // Современное есениноведение. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. № 3 (54). С. 18–21.
27. Солнцева Н. М. Скифы и скифство в русской литературе // Историко-культурное наследие: Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 4. С. 147–159.
28. Соловьев Вл. С. Сочинения: в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.
29. Субботин С. И. Комментарии // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 2. С. 294–377.
30. Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Библиофилы России: альманах. М.: Любимая Россия, 2006. Т. 3. С. 49–93.
31. Суслопарова Г. Д. Цикл «маленьких поэм» С. Есенина в контексте утопических проектов начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 1. С. 5–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4311/3765> (01.05.2024).
32. Сухов В. А. Лермонтов и Есенин: творческий диалог. К 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Сура. 2019. № 5 (153). С. 142–148.
33. Усачева В. В. Осыпание // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 581–584.
34. Хазан В. И. Проблемы поэтики С. А. Есенина: методические рекомендации по спецкурсу / Чечено-Ингушский гос. пед. ин-т. М.; Грозный: [б. и.], 1988. 186 с.

References

1. Bazanov V. G. Destruction of the Legend. In: *Russkaya literatura*, 1980, no. 3, pp. 92–115. (In Russ.)
2. Blok A. A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [*The Complete Works: in 20 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 1. 638 p. (In Russ.)
3. Blok A. A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [*The Complete Works: in 20 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 8. 586 p. (In Russ.)
4. Voronova O. E. *Dukhovnyy put' Esenina (religiozno-filosofskie i esteticheskie iskaniya)* [*Yesenin's Spiritual Path (Religious-Philosophical and Aesthetic Searches)*]. Ryazan, M-PRESS Publ., 1997. 288 p. (In Russ.)
5. Voronova O. E. *Sergey Esenin i russkaya dukhovnaya kul'tura* [*Sergei Yesenin and Russian Spiritual Culture*]. Ryazan, Uzoroch'e Publ., 2002. 498 p. (In Russ.)
6. Gacheva A. G. "Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...": russkaya filosofiya i literatura ["*The Ideal Is Also Reality...*": *Russian Philosophy and Literature*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 734 p. (In Russ.)
7. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [*The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2012, vol. 7, book 1. 804 p. (In Russ.)
8. Golovanova T. P. Yesenin Sergei Alexandrovich. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [*Lermontov Encyclopedia*]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981, pp. 157–158. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [*The Complete Works: in 7 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2002. (In Russ.)
11. Lekmanov O. A., Sverdllov M. I. *Sergey Esenin: biografiya* [*Sergei Yesenin: Biography*]. Moscow, Astrel' Publ., 2011. 604 p. (In Russ.)
12. Leont'ev Ya. V. "Skify" russkoy revolyutsii. Partiya levyykh eserov i ee literaturnye poputchiki ["*The Scythians*" of the Russian Revolution. The Party of Left Socialist-Revolutionaries and Its Literary Companions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2007. 326 p. (In Russ.)
13. Lepakhin V. V. Cosmic and "Izbyanaya" Liturgy in Yesenin's Lyrics. In: *Disserertationes Slavicae*. Szeged, 1995, vol. 21, pp. 301–337. (In Russ.)
14. Lepakhin V. V. The Iconicity of the Dual World in the Lyrics of Sergei Yesenin. In: *Lepakhin V. V. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature: ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [*Lepakhin V. V. Icon in Russian Fiction: An Icon and Honouring of Icons, an Iconography and Icon Painters*]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2002, pp. 618–646. (In Russ.)
15. *Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 tomakh* [*The Chronicle of Life and Works of S. A. Yesenin: in 5 Vols*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, vol. 2. 760 p. (In Russ.)
16. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma* [*Poetics of Russian Romanticism*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 375 p. (In Russ.)

17. Marchenko A. M. *Poeticheskiy mir Esenina* [Poetic World of Yesenin]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1972. 310 p. (In Russ.)
18. Meksh E. B. *Sergey Esenin v kontekste russkoy literatury* [Sergei Yesenin in the Context of Russian Literature]. Riga, P. Stuchka Latvian State University Publ., 1989. 119 p. (In Russ.)
19. Mikhaylov A. I. Sergei Yesenin. In: *Istoriya russkoy sovetskoy poezii: 1917–1941* [History of Russian Soviet Poetry: 1917–1941]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 392–407. (In Russ.)
20. S. A. *Esenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [Sergey Yesenin in the Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 1. 511 p. (In Russ.)
21. Semenova S. G. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika — Videnie mira — Filosofiya* [Russian Poetry and Prose of the 1920s — 1930s. Poetics — Vision of the World — Philosophy]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2001. 590 p. (In Russ.)
22. Semenova S. G. Poles of Russian Soul and Russian Idea in the Poetry of Sergei Yesenin. In: *Semenova S. G. Metafizika russkoy literatury: v 2 tomakh* [Semenova S. G. Metaphysics of Russian Literature: in 2 Vols] Moscow, PoRog Publ., 2004, vol. 1, pp. 359–389. (In Russ.)
23. Semenova S. G. The Main Features of Russian Religious-Philosophical Thought. Identity and Universality. In: *Issledovaniya po russkoy filosofii i kul'ture* [Studies on Russian Philosophy and Culture: a Collection of Scientific Works]. Kaliningrad, Russian State University Named After Immanuel Kant Publ., 2010, pp. 30–51. (In Russ.)
24. Seregina S. A., Subbotin S. I. Inonia. In: *Eseninskaya entsiklopediya, 1895–1925* [Yesenin Encyclopedia, 1895–1925]. Konstantinovo, The State Museum-Reserve of S. A. Yesenin Publ., 2020, issue 1, pp. 89–92. (In Russ.)
25. Skorokhodov M. V. Thematics of Death-Resurrection in the Small Poems of S. A. Yesenin 1917: to the Question of the Poetics of the Title. In: *Filosofiya bessmertiya i voskresheniya* [Philosophy of Immortality and Resurrection]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, issue 2, pp. 139–152. (In Russ.)
26. Skorokhodov M. V. “Singing Call”: a Trial Article for the Yesenin Encyclopedia. In: *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Esenin Study]. Ryazan, The Ryazan State University Named After S. A. Yesenin Publ., 2020, no. 3 (54), pp. 18–21. (In Russ.)
27. Solntseva N. M. Scythians and Scythianism in Russian Literature. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Historical and Cultural Heritage: Scientific Notes of the Orel State University], 2010, no. 4, pp. 147–159. (In Russ.)
28. Solovyov V. S. *Sochineneniya: v 2 tomakh* [The Works: in 2 Vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2. 822 p. (In Russ.)
29. Subbotin S. I. Comments. In: *Esenin S. A. Polnoe sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Yesenin S. A. The Complete Works: in 7 Vols]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1997, vol. 2, pp. 294–377. (In Russ.)

30. Subbotin S. I. Library of Sergei Yesenin. In: *Bibliofily Rossii: al'manakh [Bibliophiles of Russia: an Almanac]*. Moscow, Lyubimaya Rossiya Publ., 2006, vol. 3, pp. 49–93. (In Russ.)
31. Susloparova G. D. The Cycle of Little Poems by S. Yesenin in the Context of Political, Historical, Philosophical and Religious Projects of the 20th Century. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]*, 2012, no. 1, pp. 5–14. Available at: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4311/3765> (accessed on May 1, 2024). (In Russ.)
32. Sukhov V. A. Lermontov and Yesenin: Creative Dialog. To the 205th Anniversary of the Birth of M. Yu. Lermontov. In: *Sura*, 2019, no. 5 (153), pp. 142–148. (In Russ.)
33. Usacheva V. V. Shattering. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 tomakh [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 581–584. (In Russ.)
34. Khazan V. I. *Problemy poetiki S. A. Esenina: metodicheskie rekomendatsii po spetskursu [Problems of S. A. Yesenin's Poetics: Methodical Recommendations for a Special Course]*. Moscow, Grozny, 1988. 186 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Серегина Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы XX века и русского зарубежья, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1695-5464>; e-mail: serjogina@mail.ru.

Svetlana A. Seregina, PhD (Philology), Senior Researcher at the Department of Contemporary Russian Literature of the 20th Century and Russian Abroad, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1695-5464>; e-mail: serjogina@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.05.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.07.2024

Принята к публикации / Accepted 01.08.2024

Дата публикации / Date of publication 12.09.2024